

Оксана
АЛЕКСАЕВА



Мой (не) идеальный
ПРЕДАТЕЛЬ

Оксана Алексаева

Мой (не) идеальный предатель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73161473

SelfPub; 2026

Аннотация

Узнав о предательстве мужа, ушла своей дорогой.

Но однажды наши дороги сходятся вновь, на отдыхе в одном отеле. И вот тогда бывший узнает о моем маленьком секрете

Оксана Алексеева

Мой (не) идеальный предатель

Глава 1

Инна

У меня идеальный муж.

Так я всегда всем и говорю: маме, подругам, коллегам. Артём – тот самый, о котором мечтают женщины: внимательный, надёжный, с чувством юмора и способностью превращать даже самый обычный день в праздник. Когда мы идём вместе по улице, я ловлю на себе завистливые взгляды лиц женского пола: мол, как же мне повезло. А я лишь гордо улыбаюсь, потому что Артём – мой. Только мой. Самый лучший.

Сегодня я решила устроить мужу сюрприз.

Стою на платформе и пританцовываю от холода. Скорее бы поезд приехал, а то ветер так и порывается залезть мне под юбку.

Мы с мужем любим неожиданности. Например, Артем часто приносит мне латте в постель без повода, а я оставляю ему записки в кармане пальто. Вроде бы обыденные вещи, но именно из таких пустяков и складывается наша счастливая семейная жизнь.

Я стою, смотря на яркие звезды и сжимая в руках пучок

разноцветных воздушных шаров. Они звонко шуршат, тянут вверх, бьют по щеке холодным латексом. Они, конечно же, привлекают внимание прохожих. Кто-то улыбается, кто-то кивает с умилением. Пусть смотрят. Пусть знают, что я – самая счастливая женщина на планете, которая встречает своего мужа из командировки.

Артём точно меня заметит издали.

Я знаю, что он будет удивлён. Ведь любимый собирался приехать только послезавтра. По крайней мере, так говорил.

Но пару дней назад я случайно зашла на его электронную почту. Просто хотела скинуть себе одну фотографию, а наткнулась на уведомление о покупке электронного билета с сегодняшней датой.

Я перечитала несколько раз, лишь затем поверила своим глазам. Вот он какой, мой идеальный муж. Решил сделать сюрприз, приехать пораньше, не предупредив. Представляю, как он мечтал увидеть моё удивлённое лицо, едва появившись на пороге.

Но кто сказал, что сюрпризом может быть только его ход? Я сыграю на опережение.

Пусть теперь сам удивляется.

Голос из громкоговорителя разрезает пространство вокзала:

– Поезд номер... Прибывает на первый путь.

Это его поезд.

Моё сердце делает скачок. Я судорожно поправляю воло-

сы, натягиваю шарф до самого носа. Щёки горят, ладони покалывает от холода.

Люди вокруг начинают суетиться, кто-то проталкивается к краю платформы. Я бегу вслед, прижимая ленту шаров к запястью, чтобы не улетели раньше времени.

Воздух становится плотным, будто сам вокзал затаил дыхание.

И вот из-за поворота выплывает серебристый нос состава. Присматриваюсь, пытаюсь различить номера вагонов.

Десятый... девятый... восьмой...

У Артёма четвертый вагон, так что я ускоряюсь, почти бегу, цепляясь каблуками за асфальт. Шары за мной – как хвост кометы.

Сейчас всё моё внимание направлено в точку, где скоро появится он.

Мой Артём.

Поезд останавливается с протяжным лязгом. Двери открываются одна за другой, из вагонов хлынула толпа. Я жадно вглядываюсь в лица, сердце гремит в груди так, что почти глушит окружающий шум.

И вот вижу его.

Муж стоит в дверях, затем спрыгивает на платформу. Тот самый серый пуховик, лёгкая спортивная сумка через плечо. Тот самый профиль, знакомый до боли.

Предвкушаю удивление любимого, когда он увидит меня здесь, посреди ночи, да ещё и с разноцветными шарами.

Я уже делаю шаг вперёд, открываю рот, чтобы крикнуть... И вдруг что-то ломается.

Потому что в следующий миг к нему бежит... Девушка. Другая. Не я.

Высокая, статная блондинка. Волосы блестят под фонарями, на плечах норковая шуба, из-под которой выглядывают сапоги на шпильке. Она буквально прыгает ему в объятия. И Артем...

Он смеётся. Подхватывает её, кружит, прижимает к себе так, как держат только тех, кого любят.

Я зависаю, словно что-то внутри меня одним махом перерубили. Воздух вокруг распадается на мелкие осколки.

Смотрю на эту картину и не могу в полной мере осознать происходящее.

Где-то рядом роняют чемодан, кто-то переговаривается, поезд гудит. А я стою с этими дурацкими, нелепыми шарами, смесью красных, синих и зеленых, и чувствую себя полной дурой. Будто бы из цирка сбежала.

Один шарик вырывается из руки и взлетает в серое небо, растворяясь в дымке.

Хочется, чтобы вместе с ним улетело и это болезненное ощущение. Но нет. Оно вязнет внутри, давит, режет.

Я пытаюсь сделать шаг назад, но ноги не слушаются. Холод пробирает до костей. Губы немеют, руки дрожат. Я чувствую, как внутри поднимается горький ком, и не могу его проглотить.

Предатель вдруг поднимает голову. И... Замечает меня.

На лице Артёма что-то меняется, будто через него прошёл ток. Он опускает девушку, делает шаг в мою сторону.

Я опускаю взгляд на ленточки от шаров, затем на пальцы... На обручальное кольцо. Оно вдруг кажется слишком тяжёлым, каким-то несуразным, словно чужое мне стало.

Хочется исчезнуть, раствориться между чужими куртками и чемоданами, стать воздухом, которым никто не дышит.

Но уже поздно. Мы с предателем встречаемся глазами.

Артемом что-то говорит, а я не слышу. Слова распадаются на шум.

Я отступаю на шаг. Люди расходятся, кто-то обходит меня, цокают каблуки, мелькают пестрые куртки. Мир живёт своей обычной жизнью, а моя только что кончилась.

Простая сцена. Всего лишь встреча поезда. Любящая жена с шарами. И бессовестный муж с чужой женщиной.

Артём что-то шепчет незнакомке на ухе, та с пониманием кивает, и он... Идет мне навстречу.

Выражение лица ровное, почти спокойное, я даже предполагаю, что первыми словами мужа будет что-то вроде: «Ты все не так поняла».

– Инна, ты что здесь делаешь?! – искренне удивляется Артем. Ха, надо же, а мой сюрприз все же удался. Почти.

– И что эти за нелепые шары?! Мы что, в детском саду? – хмурится мерзавец, не оценив моих стараний.

Да, у меня идеальный муж. предавать умеет идеально –

это я только что выяснила. И, похоже, пришло время узнать, насколько идеально он умеет лгать.

Глава 2

Инна

Стою перед ним, будто перед чужим человеком. Лишь несколько минут назад я видела, как мой муж кружил в объятиях другую, смеялся так искренне, словно в этот момент был по-настоящему счастлив. Не так, как со мной.

Теперь предатель стоит напротив меня, и между нами только пустота. Воздух будто густым стал, я даже дышу с трудом. Вокзал все ещё шумит, гудит, но всё это где-то там, на другой стороне мира.

Артём делает шаг ближе, глаза бегают, губы дрожат, будто он ищет правильные слова, но не может их поймать.

– Инна... Ты всё не так поняла... – начинает он.

Я усмехаюсь. Горько, болезненно. Даже в какой-то степени истерично.

– Слишком предсказуемо, – отвечаю я. – Раньше я считала тебя более изобретательным.

Артём моргает, кажется, хочет сказать что-то ещё, но я опережаю: – Только не говори, что это просто коллега или случайность. Я

ведь не слепая, Артём. И у меня не галлюцинации.

Он прокашливается, осматривается по сторонам, словно надеется, что все ещё сможет выйти сухим из воды.

– Послушай, Инна, тут столько людей вокруг, – выдает он,

натягивая нелепую улыбку. – Да и ты, наверное, замёрзла, – надо же, какая забота. – Езжай домой, ладно? А я приеду чуть позже. И тогда мы с тобой всё спокойно обсудим, хорошо?

Я замираю. Хочу рассмеяться, но лишь воздух вырывается сквозь зубы.

– Чуть позже? Серьёзно? – мои слова звучат хрипло, но я не останавливаюсь. – То есть, ты сначала поразвлекаешься со своей блондинкой, а потом приедешь домой ко мне, и мы поговорим?! Ты хоть слышишь себя, Артём?!

Он морщится, будто яркий свет ударил в глаза.

– Инна, не устраивай концерты! На нас и так все смотрят! На нас... И твои дурацкие шары!

Я перевожу взгляд на разноцветные шары, которые всё это время болтаются на ветру, тускло отсвечивая под лампами.

– Концерты? – повторяю я почти с усмешкой. – Я всего лишь хотела встретить своего мужа из командировки. А не увидеть, как он целует другую посреди перрона. Кто она? – я делаю шаг ближе, голос дрожит, но уже не от холода. – Как давно вы вместе?

Предатель отводит взгляд, сжимает губы.

– Инна, я не собираюсь это обсуждать здесь, – твердо произносит он сквозь зубы. Смотрит по сторонам, будто ищет спасения. Пальцы нервно теребят ремень сумки. Раздражение наблюдается в каждом движении.

– Стыдно перед другими, да? Перед всеми прохожими,

но только не передо мной! – слова вылетают прежде, чем я успеваю их осознать.

Артем сглатывает, лицо слегка бледнеет.

– Я тебя прошу, езжай домой, – его голос становится грубым, почти рычанием. – Здесь не место для разборок.

Ловлю на себе взгляды зевак. Люди замедляются, кто-то перешептывается между собой, кто-то просто наблюдает издалека.

Блондинка по-прежнему стоит чуть в стороне от поезда, даже не делает попытки вмешаться. Замечаю её скучающий, равнодушный взгляд где-то в стороне, словно ей наплевать на происходящее. Она будто вообще не отсюда, как будто просто ждёт, когда декорации сменят сцену, и я наконец исчезну.

– Вот так, значит? – выдыхаю. – Просто «езжай домой»?

А муж молчит. Только смотрит на меня, как на кого-то, кого уже не обязан понимать.

Где-то внутри что-то ломается. Окончательно.

– Я тебя прошу, – рычит он вновь, теперь уже жёстче.

Артем закрывает глаза, будто хочет стереть всё, что между нами только что произошло.

А я вдруг понимаю, что всё, к чему я готовилась – все оправдания, разговоры, всё это больше не имеет смысла. Сейчас не больше, чем должно быть. Просто... Пусто.

Я делаю шаг назад. Холодный воздух щиплет щёки. Но внутри ещё холоднее.

Снаружи я почти перестала чувствовать что-либо, а вот внутри. Там все рвется в клочья. И это правда больно, ощутимо на физическом уровне, словно кто-то вырвал из меня значимый кусок, после чего осталась огромная черная дыра внутри.

Вокзал, шум, свет фонарей, всё это превращается в размытую пленку.

– Да пошёл ты, – произношу я глухо. Без крика. Просто разворачиваюсь и будто бы ставлю точку.

Раз мы не сумели поговорить здесь и сейчас, значит, второй попытки не будет. Я чувствую, как внутри что-то медленно, но неотвратимо ломается. Так тихо и беззвучно, будто разрушается не жизнь, а лишь тонкий ледок под ногами.

Так странно... Наверное, шоковое состояние все еще не позволяет ощутить происходящее в полной мере. Значит, со временем мне будет лишь больнее.

Пальцы сами разжимаются. Ленты освобождаются, и шары наконец выскальзывают наружу.

Цветные и яркие, они поднимаются всё выше, теряются в сером небе, среди дыма, пара и света прожекторов.

Я смотрю им вслед, не мигая, пока глаза снова не начинает щипать от слез и ледяного порыва ветра.

Это красиво, почти как символ, если бы не было так больно.

Наше счастье с Артёмом тоже когда-то было таким вот лёгким, воздушным, новым... Только теперь оно превраща-

ется в едва заметную точку где-то там, над крышами.

И я стою, не пытаюсь его удержать, потому что держать уже нечего.

Потому что больше ничего не осталось.

Глава 3

Инна

Дверь хлопает за спиной громче, чем я ожидаю.

Ключ едва не выпадает из рук, когда я его поворачиваю в замке.

А потом вдруг становится тихо. Та самая тяжелая и плотная тишина, которая давит на уши, будто весь воздух в доме стал гуще.

Стою в прихожей, глядя на знакомые стены. Те самые, что мы с Артёмом красили вместе. Спорили, какой оттенок выбрать, кто держит валик неровно...

Когда-то это место казалось домом. А теперь... Всего лишь чужим укрытием, в котором нечем дышать.

Медленно дохожу до спальни.

Останавливаюсь на секунду, ведь глупая, наивная часть меня всё ещё надеется, что сейчас Артём появится в дверях, улыбнётся, скажет, что всё это просто недоразумение. Но потом сердце снова сжимается, вспоминая, как он кружил у себя в объятиях ту девушку, как прогнал меня домой, когда я ждала хоть какое-то объяснение.

Хлопок ветра за окном возвращает в реальность.

Я резко втягиваю воздух. Нет. Хватит. Больше никаких «а

вдруг». Никаких «если бы».

Рывком открываю шкаф. Выдвигаю полку за полкой, и движения становятся отрывистыми, нервными.

Достаю чемодан... Тот самый, с которым мы ездили в Питер, где предатель тогда впервые сказал, что любит меня. Черт, каждая вещь напоминает о нём!

Пальцы дрожат. Пластик скрипит, когда я бросаю чемодан на кровать.

– Ну что, начнем, – шепчу себе.

Открываю створки шкафа шире и начинаю складывать одежду. Наугад, без раздумий: футболки, джинсы, нижнее бельё. Всё летит в чемодан, как попало.

Слёзы катятся по щекам. Без звука, просто текут, мешая видеть. Но я их не вытираю. Плевать.

Главное сейчас – уйти. Уйти отсюда, пока Артем не приехал. Пока не начались эти бесполезные разговоры «давай я тебе все объясню».

Я больше не хочу видеть Артёма. Ни слышать, ни знать!

В груди всё рвётся на части, но я упорно твержу себе: я справлюсь.

Обязательно справлюсь.

Забуду эти счастливые пять лет брака. Вычеркну их из жизни. Ведь была же я когда-то без него? И ничего. Теперь всё будет по-другому. Начну сначала. Новая жизнь – новая я.

Поеду в другой город, Заозерск, я ведь столько раз мечтала! Там озёра, леса, воздух свежий, не то, что этот пыльный

мегаполис.

А Артём? Ну и пусть. Он всегда говорил, что его работа здесь. Вот и пусть остаётся со своей работой. И со своей ш... А я – со своей свободой.

«Всё, что ни делается, всё к лучшему».

Повторяю как мантру, натягиваю на лицо подобие улыбки и продолжаю засовывать вещи. Щетки падают с полки, косметичка летит следом, на пол случайно летят и наши общие с Артемом фотографии.

Я поднимаю одну.

Мы вдвоем стоим на фоне праздничной елки. Вечер, яркие огни, уютная атмосфера, счастье до безумия. Всё то, чего больше нет.

– Всё, – нервно вздыхаю и кидаю снимок... В мусор. – Хватит. Решаю брать только самое необходимое, остальное к чёрту.

Вряд ли я сюда вообще вернусь.

Не смогу. Слишком больно будет заходить в комнаты, где на каждой полке воспоминание.

Да и зачем?

Новые вещи куплю, когда устроюсь.

А потом... Потом открою что-нибудь своё: маленькую кофейню с окнами на улицу, или, может, кондитерскую. А может вообще, и то, и другое! Я ведь так мечтала, пыталась откладывать деньги, все искала подходящий момент и боялась бросать основную работу.

Буду печь торты для людей и улыбаться. Жить для себя, не для кого-то.

Вот так!

Пока мысли кружат в голове, руки судорожно застёгивают молнию чемодана.

Вот только он, зараза, не сходится.

Я тяну, нажимаю, и молния застревает на середине.

– Твою мать, – рычу сквозь зубы. – Только попробуй...

Сажусь сверху, наваливаюсь всем весом, пытаюсь придавить крышку. Ткань натягивается, как барабан, но молния не двигается.

Из груди вырывается злой, дрожащий смешок, почти рыдание.

– Даже ты против меня, а?! – рывкаю в пустоту и кулаком бью по пластиковой крышке.

Чемодан глухо гудит.

Слёзы снова бегут по щекам.

Руки дрожат, тело трясёт, дыхание сбивается.

– Дурацкий чемодан, – рыдаю вслух, состояние граничит с истерикой. – Тебе-то я что сделала?!

Сажу на полу, обнимаю колени и тихо всхлипываю. Сердце колотится, как загнанный зверь.

В голове крутится только одна мысль – уйти, быстрее, пока не поздно!

Но потом внезапно чувствую, что я не одна. Кожу обжигает взгляд.

Поднимаю глаза.

В дверях стоит Артём.

Сердце падает в пропасть. Ещё недавно я так жаждала скорее его увидеть, а теперь будто бы и вовсе боюсь его. Все бы отдала, чтобы его сейчас здесь не было.

Муж стоит неподвижно, опираясь плечом о косяк.

Джемпер натянут на груди, руки скрещены. Лицо каменное, челюсти сжаты.

Он не спешит говорить – просто смотрит.

Смотрит так, будто наблюдает за взрывом, который сам же и спровоцировал.

Я вскакиваю, всхлипываю, пытаюсь вытереть слёзы тыльной стороной ладони.

– Что смотришь?!

Голос срывается, но я стараюсь звучать холодно.

Он не отвечает сразу. Только взглядом скользит по комнате: на раскиданные вещи, открытый шкаф, чемодан, который я тщетно пыталась закрыть.

А потом возвращается ко мне. Молчит.

Секунда длится вечность.

Каждая – будто капля расплавленного воска на коже.

А потом предатель говорит тихо, сдержанно, но в голосе ощущается сталь:

– Тебе помочь?

И взглядом указывает на чемодан.

Глава 4

Инна

Я смотрю на Артёма и не понимаю, когда он успел стать другим. Чужим. Когда лицо, которое я столько лет любила, стало для меня просто набором знакомых черт, не вызывающих тепла.

Ровная осанка, уверенный голос, эти спокойные движения рук, за которыми раньше я видела надёжность... Сейчас всё это выглядит как броня, за которой прячется кто угодно, только не мой муж.

Либо он изменился. Либо я просто не хотела замечать очевидное. Жила себе в уютной иллюзии, где всё прекрасно, где вечерние

ужины – символ любви, а не привычки, где мы «счастливая семья», а не два человека под одной крышей.

Смешно. Наверное, я слишком долго пыталась не видеть трещины.

А теперь они трещат по мне.

– Спасибо, сама обойдусь, – цежу сквозь зубы. Не придумываю ничего лучше, чем просто вытащить из чемодана некоторые вещи, чтобы он наконец застегнулся. Это срывается.

– Ты даже не дала мне шанса выговориться, – слышу за спиной голос Артёма.

Холодный, уставший, будто это он сейчас жертва, а не я.

– У тебя был шанс, – рычу, не сдержав себя. – На вокзале! Он делает шаг ближе, тяжёлое дыхание щекочет мне за-

ТЫЛОК.

– Инна, не делай скоропалительных решений, – говорит тоном, каким обычно уговаривают ребёнка: спокойно, но неискренне. – Подумай хорошенько...

Я оборачиваюсь.

– Ты серьёзно? Думаешь, я просто проглочу то, что у тебя есть любовница?

Ты хочешь, чтобы я закрыла глаза? Чтобы сделала вид, что всё хорошо?

В глазах у него мелькает раздражение.

– Да это всего лишь интрижка! – роняет он, будто оправдывается. – Глупая, ничего не значащая интрижка! Инна, да у всех бывает. Ты – моя жена. Всё остальное мимо. Я застываю.

Потом коротко смеюсь. Без радости.

Горько, хрипло.

– Послушай себя, Артём... Ты же несёшь чушь. Ставлю чемодан на пол, руки дрожат.

Он смотрит, нахмурившись, но не подходит.

И кажется, я наконец вижу его таким, какой он есть. Без фильтров, без очков из любви и привычки.

– Я не буду это слушать, – бросаю устало.

Пальцы ищут ручку чемодана, но он преграждает путь, вставая в дверях.

Тень мужа падает на меня, и внезапно становится трудно дышать. – Ты уверена, что хочешь уйти? – произносит тихо,

но с

нажимом.

– Разрушить то, что мы строили? Конечно, уйти ведь всегда проще...

Я поднимаю глаза, злость во мне вспыхивает снова. – Меня виноватой выставить хочешь? Очень умно. Слезы всё равно предательски обжигают глаза.

Как он может быть таким... Таким спокойным, когда все рушится?!

Как будто всё происходящее – просто глупая истерика.

– Многие пары проходят через трудности, – продолжает он. – За семью надо бороться. А ты просто сдаёшься. Я думал, ты борец, Инна...

– У тебя с ней что-то было? – спрашиваю я. Прямо. Без защиты.

Пусть скажет.

Артем молчит. Глаза бегают, челюсть напрягается.

И... Этого вполне достаточно. Выдыхаю, чувствуя, как внутри что-то окончательно ломается.

– Всё ясно.

Беру чемодан. Колёсики громко стучат по полу. Сердце в груди стучит удивительно громко.

Я прохожу мимо, не чувствуя ног. Предатель бросает вслед:

– Если ты сейчас уйдёшь... Обратной дороги не будет! Мы еще можем все исправить! Но если ты правда уйдёшь... Все

кончится!

Я не оборачиваюсь, просто говорю: – Я знаю.

Голос почти ровный. Почти.

Хоть и внутри всё сжимается до боли.

– Инна, я не шучу! – кричит он, будто пытается до меня достучаться. Словно это я творю глупость, одним махом рушу наш брак. Я, но никак не он.

Останавливаюсь у выхода.

На секунду оборачиваюсь, и смотрю на Артёма как будто впервые.

Теперь уже без любви. Без жалости. Просто с усталостью.

– А я думала, ты идеальный, – произношу спокойно.

И от собственного голоса по коже бегут мурашки, будто говорю не я.

Артем смотрит растерянно, произносит тише обычного:

– Идеальных людей не бывает.

И как будто на секунду жалеет. Или делает вид.

Я киваю в ответ, соглашаясь с его словами. Да, он прав.

Идеальных людей не бывает, я сама придумала эту маску идеального мужа, и сама в это поверила.

Не знаю, что ещё сказать, поэтому просто молча ухожу.

Открываю дверь и холодный воздух полосует щёки. Один шаг. Второй. И всё....

За спиной хлопает дверь. Каждый вдох даётся с трудом, как будто что-то внутри меня все ещё сопротивляется этому решению. Но отступить нельзя. Кажется, что вокруг всё

мёртвое, даже воздух.

И я не хочу больше дышать тем, что пропитано ложью. Тяну чемодан за ручку, звук колёс по асфальту режет слух. Тревожный, грубый. Зато честный.

Так ведь странно: даже сейчас какая-то часть меня хочет вернуться, развернуться, закричать.

«— Хорошо, твоя взяла! Давай попробуем ещё раз!». Но нет.

Эта часть уже не я. Едва увидела ту сцену на вокзале, как будто бы вмиг стала другой.

Та, прежняя Инна, осталась там, на том самом вокзале, которая просто хотела порадовать мужа. А в итоге узнала всю горькую правду о своём «идеальном» муже.

Смешно.

«Многие пары проходят через трудности!»

Нет их, этих трудностей. Есть предательства. И когда они случаются, уже не важно, сколько лет ты прожил с человеком. Ты просто собираешь чемодан и уходишь.

Я шагаю всё дальше. Каждый шаг отзывается болью, но в этой боли есть странная свобода.

Свежая, настоящая.

«Всё, что не делается – всё к лучшему,» – говорю себе мысленно.

Хочу верить. Обязательно поверю, чуть позже. Сейчас я просто ухожу... И не оглядываюсь.

Глава 5

Инна

Более пяти лет спустя

– Мам, ну пожалуйста... Ну один! – Ева тянет меня за руку, подпрыгивая на месте, показывая на автомат с попрыгунчиками у входа в отель. Я даже не успела чемодан толком поставить.

– Милая, – я протяжно вздыхаю. – У меня нет мелочи. Давай в следующий раз, ладно? У нас целая неделя впереди.

– Но они такие красивые, мама! Хочу розовый! – она надувает губы.

– Ева, пожалуйста, – стараюсь говорить мягко. Не хочу начинать отпуск с ее капризов.

Поверить не могу, но мы с дочерью стоим в роскошном холле. Светлый мрамор, мягкое золото светильников, зелень в кадках и запах ванили. Всё это кажется нереальным после тех лет, когда я жила на нервах, разрываясь между бизнесом и пелёнками. Этот отель у моря – символ моего маленького чуда. Я сама это сделала. Я сама нас сюда привезла. Сама заработала.

Пять с лишним лет назад я стояла в чужом городе, с чемоданом и маленькой крошкой под сердцем, о которой ещё даже не подозревала. Не представляла, как жить дальше. Ушла от Артёма, можно сказать убежала, потому что оставаться не было сил – слишком тяжело было дышать рядом с человеком, который предал. Тогда я решила: никакой любви, только работа. Только движение вперёд.

И я сделала это. За эти годы поставила на ноги свой бизнес – кофейню-кондитерскую, а потом... И целую сеть – «Кофе-Ман».

Как сейчас помню, как писала название маркером на пластиковой табличке, когда открывала свою первую точку, потому что задержали доставку вывески. У меня были небольшие накопления после продажи комнаты в коммуналке, доставшейся от бабушки. Слишком мало, некоторую сумму даже пришлось брать в кредит, влезать в долги. Было очень тяжело. А я все равно рискнула.

Зато теперь у меня сайт, логотип, сотрудники, партнёры. Спасибо моей мамочке, которая сорвалась с другого конца страны, чтобы помочь с малышкой, а также дружелюбной соседке, пока я ночами стояла у аппарата и месила тесто. Всё ради этого момента, чтобы просто выдохнуть и впервые за долгое время позволить себе море, солнце и дочку, смеющуюся без причины.

И вот я здесь, с чемоданом и этим золотистым светом вокруг. Всё идеально. Почти.

Ева тянет меня за рукав.

– Мам, а можно я сама посмотрю, что тут есть? Я далеко не пойду! – глаза блестят, как у котёнка.

– Только в пределах холла, слышишь? – улыбаюсь. – И никуда без меня.

Ева кивает так серьёзно, что я сдаюсь. Потом поворачиваюсь к стойке, достаю паспорт, документы, оформляю засе-

ление. Девушка со значком администратора любезно улыбается, спрашивает номер брони. И всё идёт спокойно до того момента, пока где-то сбоку не раздаётся визгливый голос:

– Эй! А ну брысь отсюда, попрошайка! Как тебя вообще сюда впустили?!

Я замираю. Сердце мгновенно начинает стучать быстрее. Поворачиваюсь и вижу, как возле автомата с игрушками стоит моя Ева. Крохотная, растерянная. А напротив неё блондинка с нарощенными ресницами и перекачанными губами, одетая с иголочки. В руке маленькая брендовая сумочка с логотипом.

Материнский инстинкт включается сиюминутно.

– Что происходит?! – подхожу, нет, буквально подлетаю к девице, стараясь не сорваться на крик.

– Эта малявка, – блондинка делает ударение на каждом слове. – Клянчит у меня деньги! Просит дать монетку! Может вы объясните ребёнку, что попрошайничать – это позор? Приличное место, а такие люди...

Стерва скользит по мне оценивающим взглядом.

Я в лёгком сарафане, волосы слегка растрёпаны после дороги, вид уставший, но ухоженный. И всё равно чувствую, как внутри рождается неприятное ощущение, будто меня меряют взглядом, ищут изъян.

– Ева? – я поворачиваюсь к дочке, потому что в первую очередь я хочу услышать её версию событий. – Что произошло?

– Мам, – Ева всхлипывает. – Я просто хотела попросить монетку для попрыгунчика. Я думала, что чужая тётя даст, а мы потом ей вернём...

Я прикрываю глаза на секунду. Господи, ну конечно. Автомат, монетки... Просто детская логика.

– Боже, Ева, – протяжно вздыхаю, стараясь не рассмеяться и не расплакаться одновременно. – Надо было просто подождать, пока я подойду.

Блондинка закатывает глаза.

– Воспитание – это не про вас, видимо, да? – произносит она сквозь холодную усмешку. – Ребёнок клянчит деньги у незнакомцев, мать оправдывает. И всё это в пятизвёздочном отеле. Замечательно.

Я уже хочу отрезать ей что-нибудь резкое, как вдруг за её спиной появляется знакомый силуэт. Голос, который я бы узнала из тысячи, даже если бы не слышала его целую вечность.

– Крис, идём, – спокойно произносит он.

Мир вокруг будто замирает. Я поднимаю глаза... И вижу Артёма. Всё внутри холодеет. Воздуха будто не хватает. Он стоит всего в нескольких шагах, в белой рубашке с растянутыми пуговицами сверху, кожа загорелая, волосы чуть длиннее, чем раньше, и взгляд... Тот самый, от которого когда-то всё начиналось и всё рухнуло. Только теперь в этом взгляде нет узнавания...

Пока нет. Он просто идёт к той женщине, к этой самой

Крис, и я понимаю: черт возьми, да это же она. Вот почему эта дрянь изначально показалась мне смутно знакомой.

Та самая блондинка на вокзале, в норковой шубе, улыбающаяся ему, когда я как дура стояла с фонтаном из воздушных шаров. Картина, застывшая где-то в памяти, вдруг оживает до мельчайших деталей.

Артём замечает меня. Резко останавливается в нескольких шагах. Его взгляд падает сначала на меня, потом на... Еву. Затем снова на меня. И опять на Еву.

– Мам... – тянет меня за руку дочь. – Мама, это же он! – глаза малышки широко распахнуты от восторга. – Мама, это же мой папа! Я узнала его! Это он был на той фотографии, которую ты мне показывала! Правда, мама? Этот дядя мой папа?

Глава 6

Инна

Я будто проваливаюсь внутрь себя. Всё вокруг расплывается, звуки приглушаются, в ушах стоит гул. Ритм такой рваный, будто бы где-то внутри меня барабан, отбивающий панику.

Ева помнит.

Ту самую фотографию, где мы с Артёмом стоим рядом. Молодые, счастливые и беззаботные. Лето, мороженое, луч солнца в волосах...

Когда дочка случайно нашла ту старую фотографию и спросила, кто этот мужчина рядом со мной, я тогда растеря-

лась.

– Мама, так вот он, мой папа? Я не смогла соврать.

– Да, солнышко. Он просто... Живёт далеко, очень далеко, и пока не может приехать.

Банальная отговорка. Глупая. Но мне казалось правильной. Я не хотела лгать, просто не знала, как иначе объяснить, почему рядом нет человека, который должен быть самым главным в её жизни.

И вот теперь...

Родной отец Евы стоит в трёх шагах от нас.

Мир будто замирает. Секунда, и она превращается в вечность. Я чувствую, как Ева сильнее сжимает мою ладонь. Её маленькие пальчики дрожат, а мой живот сводит от комка паники, боли, тоски и воспоминаний.

Артём.

Он смотрит прямо на меня, совершенно растерянный. Я ловлю его взгляд и будто падаю в него. В его зрачках мелькает вспышка узнавания.

Вижу, как движение его руки, сжимавшей плечо блондинки, становится замедленным, почти неловким. Пальцы разжимаются. Он опускает руку, и в лице что-то ломается.

Бывший снова сверлит меня взглядом, потом Еву. Я почти физически чувствую, как его взгляд цепляется за черты лица малышки.

Понимает.

Смотрит обратно на меня. В этом взгляде всё. И недоуме-

ние, и боль, и страх, и растерянность. И безмолвный вопрос: «Серьезно? Это правда... моя дочь?»

Мой грудь сдавливает так, будто кто-то сжимает сердце рукой. Воздуха не хватает.

Ева, не понимая, что происходит, прижимается ближе. И тут прорезается голос блондинки.

– Боже, да ваша дочь совсем не в себе! Что она несёт?! – тон визгливый, режет слух, как ножом по стеклу.

Моргаю, возвращаясь в реальность. Звук этого голоса выдёргивает из ступора.

Её лицо – идеально накрашенное, с выведенными стрелками, губы алые, холодная ухмылка. Стерва слегка наклоняет подбородок, сжимая в пальцах сумку, смотрит на меня сверху вниз. Как будто я всего лишь пыль. Как будто она – законная хозяйка этого мужчины, а я лишь случайность из прошлого.

Что-то щёлкает во мне. Я хочу ее стереть в порошок. Но держусь. – Ещё хоть одно слово про мою дочь, – произношу тихо, но так,

что каждый звук был отчетливо слышен.

Делаю шаг вперёд. Её ухмылка медленно спадает с лица. Поднимаю руку и указываю пальцем дряни прямо в лицо.

– Ещё одно, только попробуй, – продолжаю, чувствуя, как голос становится низким, почти металлическим. – И я выцарапаю тебе твои глаза. А потом займусь волосами. Обещаю. Один рывок, и твой шикарный блонд окажется в моих руках.

Стерва мгновенно бледнеет. Улыбка застывает, будто нарисованная.

Чувствую, как из-под кожи будто бы вырывается кто-то другой. Не та Инна, что всегда старалась быть сдержанной и спокойной. Нет. Это та, которая терпела. Молчала. Сжимала зубы, когда уходила из собственного дома с разбитым сердцем и преданной душой, потому что муж променял её на глупую интрижку...

А теперь – вот она. Стоит, ухмыляется, трогает плечо Артёма, как будто метит его. Демонстративно. А бывший... Смотрит. И молчит. Не спорит, не защищает свою пассивность, и на этом спасибо.

– Ненормальная, – выдыхает Крис, а в голосе дрожание. Да. Боится. Чувствуется.

Глаза бегают, пальцы хватаются за ремешок сумочки. Выпрямляюсь, провожу рукой по волосам, собирая себя обратно.

Ощущаю дрожь в пальцах и стараюсь не выдать, как руки трясутся.

– Ева, пойдём, – говорю мягко, будто ничего не произошло, будто сердце не клокочет болью, а дыхание не сбивается. – Пойдём, найдём наш номер, ладно?

– Но мама... – тихо тянет малышка, оборачиваясь через плечо. Её глаза ещё полны детского восторга, смешанного с непониманием. Она ищет подтверждения тому, что увидела. И мне больно от этого взгляда, слишком честного, слишком

прямого.

Я чуть сильнее сжимаю её ладошку, стараясь не дрожать.

– Почему мы уходим? А как же па... – начинает она, но я обрываю, слишком резко, почти криком:

– Ева, ты обозналась! Ясно?!

Мой голос звенит, будто лопнула струна. Девочка вздрагивает. Её губы начинают дрожать, глаза расширяются, а на ресницах появляется первая блестящая слеза. Она кивает, даже не пытаясь перечить. Сердце болезненно сжимается. Я чувствую, как сама разбиваю что-то хрупкое, нежное, как своими словами отнимаю у дочки ту маленькую надежду, что только-только родилась. Но по-другому нельзя. Я должна защищать нас обеих.

Артём всё ещё смотрит. Спиной чувствую. Между нами будто натянулась тонкая нить – почти невидимая, но я ощущаю её каждой клеткой. Она дрожит, вибрирует, будто вот-вот оборвётся окончательно.

Зачем?

Зачем именно сейчас? Когда я наконец научилась дышать без него, не вспоминать каждую ночь, когда отпустила?!

Почему судьба тянет его снова в мою жизнь, в самый тот момент, когда я поверила, что прошлое меня больше не догонит?

Каждый шаг отдаётся в груди биением. Воздух тяжелый, будто пахнет прошлым. Тем, от которого я убегала все эти годы.

И вдруг за спиной: – Инна?..

Мир замирает. Голос Артёма такой тихий и растерянный, почти нежный. Этот звук бьёт по памяти. Всё внутри обрывается.

Но я не поворачиваюсь. Не могу. Просто делаю шаг. Ещё один. И ещё.

Кажется, что время замедляется, расплзается между вчера и сегодня, между теми, кем мы были, и теми, кем стали. Это уже не он и не я из прошлого, а чужие люди, встретившиеся на изломе. И всё же внутри живёт то же чувство, от которого невозможно убежать.

Хватаю с полки ключи от номера, машинально благодарю девушку на ресепшене. Рука дрожит.

В другую хватаю чемодан и быстрым шагом почти бегу к лифту, таща за собой Еву, будто от этого зависит наша с ней жизнь. Позади слышится снова:

– Инна...

– Мама, – тихо тянет Ева, поднимая на меня глаза. – А почему он знает твоё имя?

Мир качается. Грудь сжимает. Не знаю, что ответить. Меня всю трясёт, дыхание сбивается, внутри как будто шторм. Что сказать дочери, чтобы не разрушить привычный мир, чтобы не обидеть, не причинить ей ту боль, что когда-то пережила я сама?

– Пойдём, милая... – всё, что могу выдавить из себя. Голос едва не срывается. Ускоряю шаг, изо всех сил тяну дочь

к лифту.

Двери открываются, и я буквально вталкиваю нас внутрь. Створки начинают медленно закрываться, и в тот миг я снова вижу его. Артёма, который не успевает за нами. Его взгляд полон замешательства и какой-то тихой, прожигающей боли.

Лифт трогается. Пространство сжимается в узкую коробку, где только мы вдвоём: я и моя растерянная, напуганная девочка.

– Мам, а почему этот дядя называет тебя по имени? – снова спрашивает она, ловя мой взгляд. – Ты с ним поссорилась? Потому что он... Он нас бросил?

Глава 7

Инна

Воздух становится вязким, как кисель. Мгновение, и я уже отвожу взгляд, втягиваю воздух, стараюсь говорить ровно:

– Ева, ты обозналась. Это просто похожий мужчина. Бывает такое, совпадения случаются.

Она хмурится, и в этот момент так... Похожа на него. Желудок сводит спазмом.

– Но мама... На той фотографии ведь правда был он! Или может это его двойник? Такое ведь бывает? Я видела как-то в мультике! – Ева упрямо смотрит на меня своими огромными глазами, и от этого взгляда у меня в груди будто ножом полоснули.

– Это просто другой человек, солнышко, – выдавливаю

я. – Правда.

Она опускает плечи, подбородок дрожит.

Мне кажется, что я слышу, как в ней что-то ломается. Такая малышка, и уже чувствует ложь.

– Мам, – она шепчет еле слышно. – А почему тогда он тебя знает?

Меня будто током бьёт.

Нервная дрожь пробегает по телу, голос срывается сам собой: – Ева, хватит! Прекрати уже с этими разговорами!

Её глаза мгновенно наполняются слезами.

И тут же я ненавижу себя. За то, что повысила голос. За то, что снова вылила весь накопленный гнев на того, кто меньше всего заслуживает.

– Мам, ты злишься? – еле шепчет она, поджимая губки. – Из-за той злой тётки, да?

Боже, ребёнок всё видит. Всё чувствует.

Я сглатываю, чуть присаживаюсь, беру её за руку.

– Нет, Ева. Не на тебя. Прости, милая, – тихо говорю, прижимая девочку к себе. – Просто мама немного устала с дороги. Всё хорошо, правда.

Мы стоим так, пока лифт медленно ползёт вверх. Кабина гудит, в зеркале отражаются две фигуры – моя, с натянутой улыбкой, и моя маленькая Ева, застывшая в объятиях.

– Но больше так не делай, ладно? – прошу, глажу её по плечу. – Я просто очень хотела тот попрыгунчик... – вино-
вато

признаётся она, глядя вниз.

– Родная, будет попрыгунчик. Только чуть позже, – уверяю я, натягивая улыбку, но внутри всё горит огнём.

Худший отпуск.

Да, место чудесное, отель роскошный, море тёплое, солнце яркое, но всё это теряет смысл, когда где-то по близости находится он. Артём.

Мой бывший муж. С ней. С той блондинистой гримзой, с которой он, видимо, теперь счастлив.

Какая издёвка судьбы! Из миллиона курортов – именно этот. Мир явно издевается надо мной.

В груди всё переворачивается, когда я вспоминаю его взгляд: пристальный, цепкий, почти такой же, как в последний наш разговор.

Он ведь точно узнал меня. Не мог не узнать. Ещё и пошёл за мной, звал по имени, когда не имел на это никакого права. От одного воспоминания об этом сердце начинает колотиться сильнее, ладони потеют, а горло сжимает так, будто я снова стою перед ним лицом к лицу.

Если сложить всё по кусочкам: возраст Евы, глаза, губы, выражение лица... Всё очевидно.

Интересно, догадался ли он? Воспринял ли слова Евы всерьёз или решил, что ребёнок просто путает? Хотя зная Артёма... он никогда не был наивен. Если хоть малейшее сомнение закралось в его голову, он не успокоится, пока не узнает правду.

А если он начнёт что-то подозревать? Проверять? Требовать объяснений, которых я не готова давать?

Нет, только не это. Я не позволю. Пусть думает, что угодно, мне всё равно, лишь бы не лез в нашу жизнь.

Ни за что не дам разрушить то хрупкое равновесие, которого я добилась с таким трудом.

Я слишком долго строила новую жизнь. Без него. Без упреков, боли и воспоминаний, которые годами жгли изнутри. И не позволю прошлому снова ввалиться в нашу дверь, как буря, ломая всё, что я успела собрать по крупицам.

Лифт, наконец, мягко звенит, доезжая до нужного этажа.

Мы выходим, я на автомате достаю карту-ключ, пытаюсь сосредоточиться на простых действиях: шаг, вдох, карточка, замок. Щёлк.

Тихо выдыхаю, когда дверь закрывается за спиной. Мы с дочерью в безопасности, по крайней мере, на ближайшее время.

Первое, чего требует тело – принять холодный душ.

Сейчас только ледяная вода может хоть чуть-чуть притушить огонь под рёбрами.

– Ева, посмотри мультики, хорошо? Только не шуми, – говорю я, сунув ей в руки планшет.

Она охотно устраивается на кровати, выбирает какой-то мультфильм.

Я иду в ванную, включаю ледяную струю и подставляю лицо под воду.

По коже бегут мурашки, дыхание сбивается, но я не останавливаюсь. Смываю всё – липкую тревогу, воспоминания, его пристальный взгляд... Смываю себя ту женщину, которой когда-то была.

Пытаюсь поверить, что это поможет. Хотя знаю – нет. Не поможет.

Между нами всегда останется то, что ни временем, ни водой не стереть.

Ева.

Наше общее навсегда.

Артем ничего не знает. И я не хочу, чтобы узнал. Не сейчас. Не здесь. Не так...

Глубоко вдохнув, выключаю воду. Обматываю полотенцем тело, заворачиваюсь плотнее, чтобы не дрожать. Я должна держаться. Ещё неделю. Потом мы уедем каждый по своим местам и всё закончится.

Главное – не попадаться Артёму на глаза. И не дать ему второй раз разрушить мой мир.

Вытираю волосы, выхожу в комнату.

– Ева, милая, как ты? – спрашиваю на ходу, натягивая улыбку.

Но торможу на месте.

В руках у неё... Тот самый попрыгунчик.

Точнее, не один. Их несколько. Штук пять, может, больше. Разноцветные, блестят на крошечной ладошке.

Сердце мгновенно падает куда-то в пятки.

– Ева... Это откуда? – мой голос звучит хрипло, почти шёпотом. Малышка сияет, будто гордится своей добычей.

– Это мне дядя принёс!

Мир на секунду проваливается.

– Какой ещё дядя? – я уже знаю ответ, но всё равно спрашиваю. Надежда умирает последней.

Ева усмехается, будто говорит о чём-то само собой разумеющемся.

– Ну, тот самый, мам! Который тебя знает!

Глава 8

Артём

Я не видел Инну почти шесть лет.

Шесть лет... Срок немалый. А кажется, будто вчера она смотрела на меня как на последнего мерзавца и собирала чемодан. И вот теперь... Она здесь. Пока не понимаю, что чувствую.

От неожиданности у меня будто землю из-под ног выбили. Не знал даже, что сказать. Не знал, как дышать.

Каждая клетка тела помнит ее. А потом я увидел девочку. Маленькую. На вид лет пять, может чуть больше.

Дочка Инны. Моя дочка? Нет, не может быть.

Но ведь она сама сказала... «Мама, это ведь мой папа...»

Дети не умеют врать. Они всегда говорят прямо. Могла ли эта малышка что-то перепутать?

Ошибиться? Мало ли, какие фото ей могла показывать Инна. Хотя... Что-то в ней есть: взгляд, нос, даже манера

держат голову. Я будто бьюсь с самим собой: разум кричит «нет», а сердце будто уже знает ответ.

– Эй, ты меня вообще слышишь?! – визг Крис рвёт воздух ножом.

Я моргаю, возвращаясь в реальность.

Она стоит, сложив руки на груди, сверкает недовольством.

– Эта мелкая клянчила у меня деньги! Представляешь?! На попрыгунчик! – скривилась. – Они что, настолько бедные, что даже на такую мелочь денег нет? Ужас. А её мамаша... Ты бы видел, она ещё и угрожала мне! Господи, что за сброд вообще здесь...

Слушаю и внутри закипает раздражение.

– Крис, прекрати себя так вести. Ты отвратительна, – вырывается у меня.

Вижу, как она вздёргивает подбородок и смотрит на меня снизу вверх, как кошка, обиженная хозяином.

И тут понимаю: всё. Конец. Наши отношения изжили себя. Нет радости, нет ожидания, как раньше. Одна только привычка, удобство, равнодушие, заматанное в красивую обёртку.

Она не узнала Инну. И, может, слава богу. Крис ненавидит детей, и сейчас она это демонстрирует настолько открыто, что у меня внутри все протестует.

– Эта мелкая дура сказала, что ты её отец! – продолжает Кристина ядовито. – Да у них там с воспитанием явно беда! Наверное, мамаша нагуляла где-то и теперь ребёнок ищет во

всех встречных папочку.

Я вздрагиваю.

Слышу в голове хлопок, словно внутри что-то треснуло.

– Прекрати! Ты несешь чушь! Ещё одно слово... – выдыхаю тяжело.

– Что? – Крис прищуривается, в её голосе сталь. – Ты что, их защищаешь? Или, может, это в самом деле твой тайный ребёнок, м?

– Просто замолчи, – отмахиваюсь.

Но мысли уже скачут, как бешеные: а вдруг?

– Крис, Бога ради, закрой эту тему и забудь, – рычу грубо, и Крис наконец замолкает.

Мы идём вдоль набережной к пляжу. Солнце жарит в макушку, море отдаёт ослепительными бликами. Я почти не слышу, что говорит Кристина. Разобрать её слова трудно – они сливаются в монотонный шум раздражения.

Когда мы доходим до шезлонгов, я выдыхаю:

– Слушай, побудь тут, а я сейчас вернусь, хорошо? Надо сделать пару звонков по работе.

Она кивает рассеянно, тут же ложится под солнце и тянется к коктейлю.

Возвращаюсь к гостинице, по пути останавливаюсь у автомата. Беру несколько разноцветных попрыгунчиков. Дешёвая мелочь, но если это действительно моя дочь... Чего бы я ни сделал, будет мало.

Подхожу к стойке администратора.

– Прошу вас, – почти шепчу. – Мне нужно узнать, в каком номере остановилась Инна Манжарова. С ней ещё проживает ребёнок. Это очень важно.

Она кое-что забыла здесь в холле, а я хочу передать...

– Извините, я не могу делиться с гостями такой информацией. Черт. Ладно.

– Я вас очень прошу. Я знаю, что они живут на пятом этаже, – да, успел увидеть горящий значок номера этажа в лифте.

– И буду вам очень благодарен, если сделаете исключение для меня, – незаметно протягиваю девушке красную купюру. У той, конечно же, глаза сразу загораются.

Затем всё же говорит тихо, почти украдкой: – Пятьсот семь.

Когда понимаю, что наш номер с Крис – пятьсот пять, меня холодным потом обдаёт. Судьба, похоже, действительно решила устроить двойное комбо: не только свела нас в одном отеле, но и поселила бок о бок.

Какая ирония. Какая пытка. Сажусь в лифт. Сердце бухает как молот, ладони влажные.

Пока поднимаюсь, пытаюсь придумать, что скажу.

«Привет, Инна. Вот эта встреча спустя шесть лет. Слушай, а не подскажешь ли, эта девочка не моя ли дочь случайно?»

Какой бред! Но времени на раздумья нет. Решаю действовать на инстинктах. Сердце неумолимо требует разговора с бывшей. Стою у двери, стучу. Слышу лёгкие шаги.

– Кто там? – детский голос вызывает ещё большую дрожь.

Что ответить?

– Я... Я тот дядя, которого ты назвала папой. Пришел извиниться за то, что моя девушка вела себя грубо.

Это срабатывает.

Дверь приоткрывается и... Оттуда показывается детская мордашка.

– Привет ещё раз, – говорю. Голос предательски садится. – Это тебе.

Протягиваю попрыгунчики.

У малышки глаза так ярко вспыхивают, будто в них зажгли огоньки.

– Вау! Попрыгунчики! Спасибо, дядя!

Не знаю, почему так кольнуло это слово «дядя».

Словно нож. Если она моя дочь, то я для неё просто посторонний хороший дядька. Зашибись.

– А мама где? – спрашиваю неуверенно. – В душе, – отвечает малышка.

Улыбается широко, совсем как Инна когда-то, когда смеялась над моими глупыми шутками.

Стою, улыбаюсь в ответ, но внутри – ком.

Богу, как же она похожа меня. Та же ямочка на щеке, когда смеётся... Или мне просто кажется?

– А ты знаешь мою маму? – в глазах такая искренняя надежда блестит, что у меня мурашки по позвоночнику проходят. Что мне ей ответить? Прихожу в ступор, мысли обры-

ваются.

– Эм... Да, мы были с ней знакомы. Когда-то. Тогда передай маме, что я... Зайду позже, ладно?

– Хорошо! – кивает.

Я поворачиваюсь и ухожу, чувствуя, как дрожат руки.

Она больше не спрашивала, её ли я папа. Наверное, Инна успела ей объяснить, внушить то, что я для неё – чужой человек. По сути так и есть, но... В голове то и дело всплывает одно слово: дочь.

Хожу вдоль коридора туда-сюда, будто на посту. Думаю, подходить ли снова, ждать ли, как сказать, если решусь.

В голове тысячи возможностей, но все кажутся дурацкими. Что она скажет, когда увидит меня?

Позволит ли хотя бы поговорить? И если это и правда моя дочь – как я мог не знать? Почти шесть лет. Это нечестно!

Можно ли вернуть то, что тогда потерялось? Не знаю. Но право узнать правду я точно заслужил.

Делаю шаг к двери, где проживает бывшая и, возможно, мой ребенок, собираюсь стукнуть, как слышу:

– Артём!

Замираю. Кристина.

Оборачиваюсь: стоит в купальнике и парео, машет рукой и недовольно кривит губы.

– Ну где тебя носит? Я крем от загара забыла! Чёрт.

Мир на секунду сжимается до размера коридора, всё внутри меня напрягается. Она не должна ничего знать.

Глава 9

Инна

– Мамочка, а ещё дядя сказал, что зайдёт позже, – добавляет Ева, и ее слова подобны контрольному выстрелу.

Голос у малышки такой звонкий и беззаботный, а у меня всё внутри будто скользит вниз. Кровь отливает от лица, руки становятся холодными, а ноги... Ватными.

Боже. Он всё-таки решил действовать.

– Кто... Что ты сказала? – спрашиваю хрипло, хотя прекрасно услышала каждое слово.

Ева стоит у дивана, в руках зажат яркий резиновый шарик – тот самый попрыгунчик, который я ненавижу уже за одно его существование. Маленькая ладошка сжимает игрушку, будто это оберег.

Перед глазами мгновенно встаёт образ Артёма, где он в идеально выглаженной рубашке, с той своей полуулыбкой, от которой у меня когда-то перехватывало дыхание, а теперь поднимается тошнота.

Какого чёрта он снова лезет в нашу жизнь? Почему именно сейчас, когда, казалось, всё наконец утихло? Шесть лет. Почти шесть долгих лет тишины. И вдруг – «дядя зайдёт позже».

Сердце колотится громко. В висках шумит. Хочется кричать, но вместо этого я сжимаю кулаки.

– Ева, – начинаю тихо, стараясь держать голос ровным. Но в нём все равно скользит раздражение. – Я сколько раз гово-

рила тебе, что незнакомым людям нельзя открывать дверь?

Малышка вздрагивает. Губки моментально начинают дрожать, опускаются вниз, глаза становятся круглыми и несчастными.

– Но мама... – она робко делает шаг ко мне. – Прости, мамочка, я так больше не буду...

Я вздыхаю, но злость всё равно прорывается. Она не на Еву, конечно нет. Но именно она сейчас стоит рядом, именно она произносит слова, которые гудят в голове, как колокол: «дядя сказал, что зайдёт позже».

– Милая, – я вновь повышаю голос. – Мы с тобой в другой стране, понимаешь? В чужом месте! И бог его знает, кто может постучать к нам в дверь!

Я вижу, как дочь качается на месте, закусывает губу, и в груди что-то болезненно сжимается.

Чёрт, Инна, перестань. Это же ребёнок. Она просто ребёнок.

Но мне трудно остановиться. Вижу перед собой не Еву, а Артёма – его ухоженные руки, самодовольное лицо, ту вечную уверенность, с которой он шёл по жизни, оставляя после себя выжженную землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.